

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.13

Правильная ссылка на статью:

Вербилович О. Е. «Запрещенный прием»: инвалидность и публичный скандал в традиционных и интернет-медиа // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 253—266. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.13.

For citation:

Verbilovich O. E. “Forbidden trick”: disability and public scandal in traditional and online media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 1. P. 253—266. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.13.



О. Е. Вербилович

«ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПРИЕМ»: ИНВАЛИДНОСТЬ И ПУБЛИЧНЫЙ СКАНДАЛ В ТРАДИЦИОННЫХ И ИНТЕРНЕТ-МЕДИА

«ЗАПРЕЩЕННЫЙ ПРИЕМ»: ИНВАЛИДНОСТЬ И ПУБЛИЧНЫЙ СКАНДАЛ В ТРАДИЦИОННЫХ И ИНТЕРНЕТ-МЕДИА

«FORBIDDEN TRICK»: DISABILITY AND PUBLIC SCANDAL IN TRADITIONAL AND ONLINE MEDIA

ВЕРБИЛОВИЧ Ольга Евгеньевна — аспирант факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-MAIL: verbilovich.olga@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9302-4463

*Olga E. VERBILOVICH*¹ — Post-Graduate Student
E-MAIL: verbilovich.olga@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9302-4463

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Автор анализирует теории публичной сферы и публичного скандала, открывая перспективы исследований коммуникативных ситуаций трансгрессии привычных норм и форматов разговора про инвалидность. Выбранные кейсы публичных скандалов позволяют проиллюстрировать

Abstract. The author provides an analysis of the public sphere and public scandal as challenges for future research in communicative situations of transgression of habitual norms and forms of discourse on disability. The studied cases of public scandals illustrate the key changes in forms and content of dis-

значимые изменения форматов и содержания дискуссий про инвалидность в заданный период (2008—2017 гг.), а также служат своеобразным «моментальным снимком» возможных комбинаций традиционных и интернет-медиа в ситуации информационных всплесков вокруг обсуждаемых норм публичности. Опираясь на выбранные теоретические ресурсы и сравнительный анализ кейсов, автор строит типологию публичных скандалов вокруг инвалидности, а также объясняет репертуар реакций публики на открывающиеся этические дилеммы. Предложенный аналитический подход может быть применен как в исследованиях инвалидности, так и в исследованиях медиа, технологических и социальных функций публичных скандалов.

Ключевые слова: инвалидность, публичный скандал, публичная сфера, интернет, мобилизация сообщества

cussions about disability within the given period (2008—2017) and also serve as a «snapshot» of possible combinations of traditional and online media when there is informational surge around the discussed norms of publicness. Based on theoretical resources and comparative analysis of cases, the author proposes a typology of disability-related public scandals and explains possible public reaction to possible ethical problems. The author's analytical approach can be used in disability studies as well as studies related to media, technological and social functions of public scandals.

Keywords: disability, public scandal, public sphere, Internet, community mobilization

Традиционным понятием, с которого начинается публичный разговор про инвалидность в медиа, правозащитной практике и социальной политике, служит слово «проблема». Ситуация инвалидности и человек, являющийся носителем, как правило, видимой инвалидности, помещается в фокус журналистской истории, речи политика, проекта общественной организации с призывом решить ту или иную проблему. В декабре 2009 г. журналист А. Никонов опубликовал в российской газете «Спид-Инфо» статью «Добить, чтоб не мучился!» с предложением закрепить законодательно право на эвтаназию детей с синдромом Дауна, которые являются проблемой для государства и их семей. Общественная дискуссия, последовавшая за «скандальной» статьей, обнажила два важных процесса.

Во-первых, она показала, как невидимые среди популярных медийных площадок ЖЖ-дневники мам детей с инвалидностью в минимально короткие сроки распространили интернет-петицию и мобилизовали внимание родительского сообщества, общественных организаций, федеральных медиа и Общественной коллегии по жалобам на прессу¹. Дискуссия инициировала ревизию этических и профессиональных норм говорения об инвалидности как внутри, так и вне жур-

¹ Снежана Митина и Светлана Штаркова против газеты «Спид-Инфо» [Электронный ресурс] // Общественная коллегия по жалобам на прессу. 2—17 февраля 2010. URL: <http://presscouncil.ru/praktika/rassmotrennye-zhaloby/365-snezhana-mitina-i-svetlana-shtarkova-protiv-gazety-sp-id-info?showall=&limitstart=> (дата обращения: 05.12.2017).

налистского сообщества на институциональном уровне в духе коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса — рефлексивный поиск общих оснований взаимопонимания и закрепления конвенций в публичном споре [Хабермас, 2016]. Изучение этого и других кейсов интернет-активности родительского сообщества, позволило исследовательнице С. Оатс говорить о демократизирующем потенциале интернета как рефлексивной в отношении офлайн-контекстов социокультурной среде, обладающей инструментами перемещения частных проблем в сферу публичного и политического дискурса в России [Oats, 2013].

Во-вторых, стала очевидна тенденция, которая также неразрывно связана с технологиями и социокультурными особенностями интернет-среды, а именно появление нового формата видимости темы инвалидности в публичной сфере — публичный или медийный скандал. В этой статье автор попытается раскрыть суть новизны и возможные эффекты такого формата видимости и говорения. Обращение к инвалидности как динамичной категории, смысл и содержание которой наполняется в процессе публичного спора, конфликта или диалога, дает возможность понять внутреннюю вариативность смыслов, многомерность и сложную архитектуру публичных пространств, акторов и типов дискурса инвалидности в онлайн- и офлайн-дискуссиях.

Опираясь на теоретические ресурсы классических и современных концепций публичной сферы и публичного скандала, а также анализ кейсов шести резонансных дискуссий вокруг темы инвалидности в российских медиа (с 2006 по 2017 гг.), автор статьи объясняет роль публичных скандалов в трансформации восприятия инвалидности, выстраивает типологию кейсов и описывает функции резонансных конфликтов вокруг инвалидности в общих социокультурных и политических контекстах. Социальные сети и YouTube — это пространства, в которых на равных позициях оказываются традиционные медиа и рядовые пользователи [Burgess, Green, 2009], поэтому они способствуют интенсивному вовлечению в тему и быстрому соприкосновению «нормальной» и «особенной» повседневности. Пользователь в некоторой степени «вынужден» составить свое мнение о допустимости тех или иных высказываний, дополняя тем самым общее пространство интерпретаций ситуации и норм понимания инвалидности, которые следует переосмыслить и (или) закрепить заново на уровне институциональных дискурсов. Анализ риторики и эффектов дискуссии позволяет описать стратегии регулирования скандалов и репертуар реакций публики: от удаления «некорректного» контента, поиска и наказания «виновных» (репрессивные стратегии) до стремления понять основания этического парадокса и найти пути его разрешения (рефлексивные стратегии). Исследователи публичной сферы, публичных скандалов и интернет-коммуникации предлагают разный набор аналитических инструментов, которые хорошо объясняют отдельные характерные черты публичных скандалов вокруг инвалидности, но ни один из рассмотренных исследовательских подходов не может претендовать на комплексное объяснение такого сложно структурированного и динамичного феномена, как публичный скандал. Оптимальной стратегией видится сочетание имеющихся аналитических оптик, хотя порой и противоречащих друг другу, но дающих возможность систематизировать и понять спонтанные, а иногда и вовсе неуправляемые для глаза исследователя проявления публичного скандала.

Роль публичных скандалов в контекстуализации инвалидности

Конвенция ООН о правах людей с инвалидностью, ратифицированная Российской Федерацией 27 апреля 2012 г., предлагает относиться к инвалидности как эволюционирующему понятию. Инвалидность понимается как результат «взаимодействия, которое происходит между имеющимися нарушениями здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами и которое мешает их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими»². Смысловой акцент здесь переносится с человека на процесс взаимодействия, те затруднения, которые возникают в этом процессе и закрепляются в обществе. За такой правовой формулировкой стоит сложная история трансформаций публичного и академического дискурса. В 1990-х годах исследователи из США и Великобритании инициировали критическую рефлексию накопленного опыта исследований инвалидности в социальных науках [Barnes, Oliver, 1993; Barnes, Mercer, Shakespeare, 1999]. М. Оливер, К. Барнс, Т. Шекспир настаивали на необходимости преодоления рамок биомедицинских подходов и смещения фокуса исследований в сторону экономических, политических и социокультурных факторов, лежащих в основе феномена инвалидности. Следующим закономерным шагом стало обращение к тематике публичных дискуссий, медиадискурса и общественных движений [Titchkosky, 2000; Oliver, 1997; Grue, 2011; Ярская-Смирнова, Романов, 2009; Froehlich, 2012; Hartblay, 2014], цифровых контекстов взаимодействия [Oats, 2011; Ellis, Kent, 2011; Elcessor, 2016; Trevisian, 2017]. В этой статье инвалидность понимается, вслед за традицией исследований публичных дискуссий и публичной сферы, как зонтичная категория, смысл и содержание которой меняется в зависимости от контекстов и практик публичного взаимодействия.

Эффективным инструментом изучения динамики и форматов публичной дискуссии может выступать анализ кейсов публичных скандалов. Во-первых, такие кейсы сочетают в себе разноплановые и зачастую практически не встречающиеся друг с другом в иных контекстах пространства дискуссии — от постановочной или спонтанной дискуссии в телешоу на федеральных каналах, «скандальной» статьи в изданиях с многотысячной аудиторией до индивидуальных или коллективных интернет-петиций, периферийных пространств дискуссий в социальных сетях и «влогах». Во-вторых, моральная и эмоциональная нагруженность высказываний, а также стихийный характер трансгрессии одновременно вовлекают в дискуссию большое количество участников, которые вынуждены высказаться (в случае, к примеру, со статусными публичными фигурами) или получили такую возможность. Эти коммуникационные и нормативные особенности подчеркивает американский социолог А. Эдат, который помещает понятие публичного скандала в центр своей семиотической теории публичной сферы [Adut, 2005; 2012]. Если в случае со слухами, объясняет Эдат, вовлечение в обсуждение несет определенные риски, что скорее заставит уже вовлеченного участника воздержаться от публичных суждений и распространения информации, то в ситуации публичного скандала издержки скорее несет тот, кто проигнорировал необходимость высказаться [Adut, 2005: 218]. Анализируя такие знаковые исторические события, как дело

² Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] // ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 05.12.2017).

Дрейфуса и Оскара Уайльда, Уотергейтский скандал, Эдат предлагает свой взгляд на феноменологию скандала, который может служить аналитической рамкой для исследования функций и эффектов скандалов в разных социальных системах. Мы воспользуемся некоторыми понятиями и типологиями, предложенными исследователем, в описании результатов анализа выбранных кейсов.

В классических политических и медиа-исследованиях появление скандалов связывается с развитием жанра журналистского расследования [Tumber, Waisbord, 2004a; 2004b] и объясняется возрастающей видимостью в публичном пространстве политических лидеров [Thompson, 2000]. Социологи и политологи выделяют политические, экономические, коррупционные, научные скандалы, скандалы в сфере культуры и шоу-бизнеса, секс-скандалы, медийные и интернет-скандалы [Дмитриев, Сычев, 2014: 40; Тоерфл, 2001]. Несколько в стороне остается фокус на отдельном измерении скандалов — «talk scandals», в которых трансгрессия связывается с актом говорения [Ekström, Johansson, 2008]. Для анализа резонансных дискуссий вокруг темы инвалидности опыт исследований этого вида скандала будет особенно значимым. В выбранных кейсах наиболее заметные публичные роли распределяются как между индивидуальными (журналист, мать ребенка с инвалидностью, актер с инвалидностью), так и коллективными акторами (редакция газеты, телеканал, НКО). Такая многовекторность взаимодействия ставит следующие вопросы: в какой степени публичный скандал является индивидуальным или коллективным действием? При каких условиях стремительное перемещение приватной проблемы в публичное пространство влечет за собой мобилизацию внимания коллективных акторов и массовой аудитории? Каков механизм этого перемещения?

Частично примирить приватное и публичное здесь помогают рассуждения о таком типе социального действия, организующим ядром которого являются цифровые медиа — «коннективное действие» [Bennett, Segerberg, 2012]. Онлайн-публичность, заданная технологией и логикой «sharing», предлагает пространства для открытых по форме и гибких по содержанию высказываний, эффект которых в определенных контекстах может быть сопоставим с эффектами коллективного действия. Происходит своеобразное «отзеркаливание» смыслов и ожиданий, испытание границ высказывания и способов решения опубликованного противоречия. Логика коннективного действия позволяет встретиться неформальным и институциональным каналам коммуникации, умножает дружеские и доверительные контексты обсуждения «сложных» тем, о которых не принято рассуждать «вслух». И это его свойство становится значимым в ситуации непроговоренности множественных контекстов инвалидности, неразвитости институтов и легализованных процедур публичного спора, регулирования конфликтов (публичные судебные разбирательства, общественные советы и комиссии, публичные слушания).

Исследователь новых медиа Ф. Тепфль описывает такие контексты и эффекты, анализируя кейсы коррупционных полицейских скандалов, случившихся в России и Беларуси в 2008 и 2010 гг. [Тоерфл, 2011]. Полицейские обеих стран использовали «живой щит» из машин, чтобы остановить правонарушителей. Описание событий в YouTube и социальных сетях повлекли за собой волну публичного негодования и осуждения поступка правоохранителей. На примере описанных кейсов Тепфль рассуждает о новой природе политического и социального скандала, возмож-

ного, вопреки классическим политологическим теориям [Markovits, Silverstein, 1988], не только в либерально-демократических, но и в трансформирующихся политических режимах. Отличительными особенностями таких скандалов становится тот факт, что они проистекают из среды социальных медиа, наращивают громкость благодаря горизонтальным социальным сетям и индустрии YouTube. Многослойность смыслов и пространств вовлечения аудитории на пике скандала заставляет одновременно «резонировать» и горизонтальные, и вертикальные каналы коммуникации — «прогосударственные» федеральные и региональные медиа. Последние, с одной стороны, наращивают интенсивность обсуждения, а с другой — изменяют направление волны дискуссии, делегируя ответственность за случившееся низшим управленческим звеньям или внешним политическим силам. Таким образом, политические элиты получают возможность не только управлять скандалом, но и перенаправлять его эффекты в ситуации, способствующие решению актуальных политических задач.

Опыт теоретического объяснения и прикладных исследований показывает, что публичный скандал как событие публичной сферы обладает потенциалом интенсификации дискуссии об инвалидности в «непривычных» для публики контекстах массовой культуры, задает пространство и проявляет позиции акторов с разным набором символических ресурсов, становится пусковым механизмом трансформации социального понимания и способов эксплуатации инвалидности. Важный вопрос, который предстоит решить исследователю: как выбрать адекватные аналитические инструменты для изучения такого многослойного и противоречивого феномена?

Возможности измерения: типологизация публичных скандалов как исследовательский инструмент

Если в традиционных научных текстах о результатах исследования того или иного социального явления ограничениям метода, как правило, отводится один из заключительных разделов, то в случае с исследованиями публичных скандалов честное признание «неуловимости» и многослойности предмета, сложности выбора инструмента и фрагментарности возможных наблюдений, должно стать стартовым. Структура и механизмы развития публичного скандала могут складываться совершенно стихийно и содержать такое множество латентных факторов, которые сделают заведомо провальными любые аналитические конструкты. Тем не менее исследователь может уловить и наблюдать с той или иной степенью точности определенные закономерности развития, участников скандальных ситуаций и их публичные действия, а также некоторые последствия или эффекты. В этом исследовании попытка объяснить и описать такие измерения публичного скандала реализуется через испытание аналитического потенциала существующих исследовательских подходов к типологизации публичных скандалов. Каждый кейс описывается с точки зрения принадлежности к определенному «идеальному типу» скандала, который строится исходя из специфики ключевых акторов, каналов коммуникации и наблюдаемых последствий.

Следуя за феноменологией скандала А. Эдата, позволим себе предположить, что публичный скандал как проявление социальной коммуникации направлен на определенную аудиторию как на субъект и носитель нормы, к которому апеллируют акторы

события («norm audience» [Adut, 2005: 217—219]). По мнению Эдата, в зависимости от выбранного стиля обращения к носителю нормы и характера трансгрессии скандал может быть случайным, разоблачающим или провокативным (см. табл. 1). Иллюстрациями случайных, но долгосрочных по своим последствиям скандалов могут служить резонансная ситуация с О. Водяновой, сестрой модели и общественной деятельницы Н. Водяновой, в нижегородском кафе³ (2015 г.) или спонтанные некорректные высказывания ведущих передачи «Болячки» в эфире радио «Маяк»⁴ (2012 г.). В первом случае выдворение девушки с ДЦП и аутизмом и сопровождающей ее женщины из публичного пространства кафе получило огласку через пост Н. Водяновой на ее странице в Facebook. О случившемся высказались публичные фигуры разного уровня, в том числе представители власти региона, а также спикер Совета Федерации В. Матвиенко. Вскоре в отношении владельца кафе было возбуждено уголовное дело, а дискуссия вышла за рамки единичного случая и прозвучала на площадках государственных структур. Совет Федерации обратился к Правительству с просьбой обязать все места общественного питания обеспечить комфортный доступ в кафе людям с инвалидностью, один из депутатов Государственной Думы поднял вопрос законодательного утверждения института Уполномоченного по правам людей с инвалидностью в России. В прессе публиковались интервью с людьми с инвалидностью, чья роль в оценке ситуации была представлена как экспертная⁵. Развитие событий показывает, как «случайный» скандал может стать отдельной масштабной дискуссией, в которую одновременно вовлекаются как низовые акторы и неформальные сети, так и престижные публичные площадки с накопленным ресурсом мобилизации внимания и влиятельными спикерами. Этот скандал не только стал инструментом накопления политического и общественного веса, но и способствовал переопределению границ и содержания публичного дискурса, спровоцировал рефлексии о степени типичности индивидуального случая, его возможных причинах и необходимых выводах.

Таблица 1. *Виды скандалов, связанных с темой инвалидности в российских СМИ и интернете, 2006—2017 гг.*

«Случайный» скандал	Скандал-разоблачение	Скандал-провокация
Семья Водяновых и администрация кафе в Нижнем Новгороде (2015)	Сыктывкарское городское общество инвалидов и Л. Вокуев против песни «Люди-инвалиды» группы «Тату» (2006)	А. Никонов «Добить, чтобы не мучался!», «Спид-Инфо» и родители детей с инвалидностью С. Митина и С. Штаркова (декабрь 2009 — февраль 2010)
Ведущие программы «Болячки» на радио «Маяк» и высказывания о болезни муковисцидоз (2012)	Колонка журналиста «Комсомольской правды» Е. Арсюхина про актера Н. Вуйчича (2016)	
В. Познер, Р. Литвинова и танцор Е. Смирнов в шоу «Минута Славы» (2017)		

³ Семенова А. За сестру ответит [Электронный ресурс] // Газета.ру. 13.08.2015. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/08/13/7686112.shtml> (дата обращения: 09.12.2017).

⁴ Скандал вокруг высказываний ведущих «Маяка» [Электронный ресурс] // РИА Новости. 4.12.2012. URL: https://ria.ru/trend/Mayak_radio_sandal_22102012/ (дата обращения: 09.12.2017).

⁵ Маेतная Е. «Водянова — не Водянова, какая разница? Просто мы не понимаем друг друга» [Электронный ресурс] // Газета.ру. 13.08.2015. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/08/13/7685650.shtml?updated> (дата обращения: 06.12.2017).

Можно предположить, что ключевой точкой интенсификации дискуссии выступил пост Н. Водяновой. В этом смысле в качестве условий, которые позволили дискуссии получить такой объем внимания публики, можно рассматривать не только возможности социальных сетей, но и статусность фотомодели и общественного деятеля, которая руководит тематическим фондом более 15 лет. Скандал с участием заметной публичной фигуры по своему эффекту шире репутации самой фигуры и может распространяться на институты, отношения и окружения. Схожим образом в скандалах с журналистами и радиоведущими (А. Никонов, А. Веселкин и В. Колосова, Е. Арсюхин и В. Познер) равными участниками споров и акторами, на которых публика возлагает ответственность за высказывание, становятся печатные СМИ, радио, телеканал («Спид-Инфо», радио «Маяк», «Комсомольская правда», «Первый канал»).

Для скандала-разоблачения, в отличие от «случайного», характерна меньшая степень стихийности и в большей степени устойчивая драматургия конфликта с заданным набором ролей. Есть некий коллективный или индивидуальный актер, апеллирующий к обществу как носителю нормы («norm audience» [Adut, 2005: 217—219]), и «отрицательный» герой, чьи действия или слова ведут к трансгрессии норм. Примерами таких скандалов могут быть осуждение представителями Сыктывкарского городского общества инвалидов и уполномоченным по правам человека в Республике Коми Л. Вокуевым песни группы «Тату» «Люди-инвалиды»⁶ (2006), а также интернет-петиция журналистки К. Потупчик против статьи главного редактора радио «Комсомольская правда» Е. Арсюхина о Нике Вуйчиче и «дефектных особях»⁷ (2016). При этом последний пример содержит в себе элементы как скандала-разоблачения, так и, возможно, скандала-провокации. Скрытый характер мотивов журналиста, создающего материал на границах трансгрессии норм, не позволяет говорить о преднамеренной или случайной провокации публики. Однако выбранный стиль рассуждения и содержание статьи, прошедшей редактуру и вышедшей в свет на сайте популярного издания с многотысячной аудиторией, говорят о попытке автора спровоцировать публику на сложный разговор. После активного публичного обсуждения материал был удален из колонки журналиста. Сам автор отметил, что «для интернет-публики статья стала сложной» и была неправильно понята. Такая интерпретация оставляет открытыми базовые ценностные вопросы журналистского сообщества. Каковы условия «сложности» темы? Должен ли профессиональный журналист их понимать и прогнозировать риски?

Близким по типу, но отличным по последствиям, структуре и механизму развития является отмеченный выше скандал со статьей А. Никонова. Можно предположить, что этот скандал стал самой протяженной по времени дискуссией. С момента публикации статьи до заседания Общественной коллегии по жалобам на прессу с подробным разбором аргументов сторон прошел почти год (декабрь

⁶ Кобыгина Н. Инвалиды обиделись на группу «Тату» [Электронный ресурс] // Российская газета. Федеральный выпуск № 4229. 23.11.2006. URL: <https://rg.ru/2006/11/23/tatu-invalidy.html> (дата обращения: 04.12.2017).

⁷ Колонка об «эволюции». Цепочка событий. Почему «Комсомолка» удалила текст, написанный в поддержку Ника Вуйчича? [Электронный ресурс] // Meduza. 18.04.2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/04/18/kolonka-odefektnykh-osobyah-tseпочка-sobytyj> (дата обращения: 02.12.2017).

2009 — февраль 2010). Здесь, как и в случае с некорректными высказываниями о болезни муковисцидоз ведущими радио «Маяк», публичное порицание было инициировано, в первую очередь, сплоченным родительским сообществом. И если в случае со статьей Никонова инструментом мобилизации внимания к теме стали ЖЖ-дневники мам детей с инвалидностью, то в случае с «Маяком» главной площадкой высказывания родителей и специалистов, работающих с заболеванием, стали традиционные СМИ (главным образом пресса). Кейс со статьей в «Спид-Инфо» остается до настоящего времени едва ли не единственным примером институционализированного публичного спора о нормах и правилах говорения про инвалидность, в котором в равной степени приняли участие ключевые акторы скандала, журналистское и гражданское сообщества. Общество попыталось договориться в духе коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса [Habermas, 1984; Вербилович, 2013], когда определяющими принципами публичной дискуссии становятся беспристрастное суждение и стремление найти общие основания для конструктивного диалога. И, напротив, случай с риторикой программы «Болячки» на «Маяке» продемонстрировал жесткие реактивные стратегии регулирования спора — закрытие передачи и увольнение ведущих. Частично такой характер санкций можно объяснить спецификой публичности радиформата и производимого в нем материала. Если в прессе спорную статью можно обсуждать или удалять по требованию аудитории, то в радиоэфире последствия публичного высказывания становятся неотделимыми от самой фигуры ведущего и его передачи.

Трансгрессия, заключенная в акте говорения, является отличительной чертой скандалов вокруг инвалидности. Новая волна исследований в русле теории политического скандала и новой видимости Дж. Томпсона фокусируется на понятии «talk scandal» как медиатизированного разговора, в котором нарушаются и перераспределяются границы дискурсивных норм и кодов [Ekström, Johansson, 2008: 63—64]. Если руководствоваться теорией Томпсона и ее современной критикой, лишь один из рассмотренных кейсов исследования (скандал с О. Водяновой) можно отнести к скандалам второго порядка — случившимся вне медиасреды, но получившим резонанс благодаря традиционным и новым медиа. Остальные примеры так или иначе можно определить как скандалы первого порядка, с характерными для «talk scandals» фазами драматизации, сторителлинга и инструментами привлечения внимания.

Стратегии регулирования скандала и реакции публики можно различать по характеру обратного действия и степени рефлексии (см. табл. 2). На уровне частных повседневных практик наблюдаются как выбор позиции «молчаливого наблюдателя», так и словесное осуждение, за которым может последовать весомое публичное действие — создание интернет-петиции, коллективный протест, институциональный диалог, уголовное и судебное разбирательство, репрессивные санкции (увольнение «виновных»).

По степени аффективности континуум реакций можно представить на шкале от индивидуального эмоционального осуждения к публичному преобразованию и переносу трансгрессии на другой объект [Ahmed, 2004]. К примеру, предложение Р. Литвиновой «пристегнуть ногу» танцору без ноги Е. Смирнову на шоу «Минута сла-

вы»⁸ мигрировало в ситуацию выбора к участию в конкурсе «Евровидение-2017» певицы на инвалидной коляске Ю. Самойловой («Ю. Самойловой предложили отстегнуть коляску»). С другой стороны, этот же скандал с участником шоу «Минута славы» и последующая общественная дискуссия в дальнейшем стали поводом для рефлексивных публикаций о правилах говорения про инвалидность в популярных интернет-изданиях.

Таблица 2. Стратегии регулирования трансгрессии и реакции публики

Репертуар стратегий и реакций	
По характеру обратного действия	От «молчаливого наблюдателя» до стратегий удаления любого контента. От словесного осуждения до коллективного протеста. Репрессивные санкции, поиск и наказание «виновных» (увольнение спикеров, редакторов и т.д.).
По степени рефлексии	<i>Аффективное участие:</i> от эмоционального осуждения до воспроизводства стереотипов; преобразование и перенос риторики в другие контексты (на других акторов). <i>Рефлексивное участие:</i> стремление понять основания этического парадокса и найти пути его разрешения, поиск конвенций и правил говорения и взаимодействия (примеры публикаций об этических нормах и правилах коммуникации с разными социальными группами в «Meduza», «Wonderzine», «Такие Дела»).

Анализ кейса из шоу «Минута славы» позволил схематически представить механизм миграции темы из пространства традиционных медиа федерального уровня в интернет-среду (см. рис. 1). Выпуск передачи был стихийно вынесен в поле неформальных дискуссий в Facebook, стал поводом для создания отдельных выпусков в видеоблогах YouTube, выйдя за рамки «традиционных» площадок присутствия темы инвалидности в публичных офлайн- и онлайн-пространствах. Высказывания судей программы стали обсуждаться в периферийных влогах, авторами которых являются рядовые пользователи YouTube с относительно большим количеством подписчиков, но без символического капитала статуса журналиста, публичного деятеля или популярного видеоблогера (например, «Мария Говори», «ICHOS TV», «Тимур Нури», «Валерон LIVE» и др.). Высказывания таких авторов стирают границы между публичным и приватным разговором, вписываясь в логику коннективного действия, которое позволяет совершать публичное действие в относительно «безопасных» приватных и доверительных контекстах социальных сетей. Эффект такого действия в некоторых контекстах становится сопоставимым по своим результатам с прямым коллективным действием. Результаты перемещения дискуссии в социальные медиа повлияли на риторику и стратегии регулирования спорной ситуации внутри самого влиятельного российского телеканала (публичное «извинение» В. Познера, увольнение сотрудника, отвечавшего за просмотр шоу до эфира).

⁸ «Чтобы не эксплуатировать эту тему»: Владимир Познер и Рената Литвинова раскритиковали участника шоу «Минута славы», танцевавшего без протеза [Электронный ресурс] // Meduza. 6.03.2017. <https://meduza.io/feature/2017/03/06/chtoby-ne-ekspluatirovat-etu-temu-vladimir-pozner-i-renata-litvinova-raskritikovali-uchastnika-shou-minuta-slavy-tantsevashego-bez-proteza> (дата обращения: 02.12.2017).

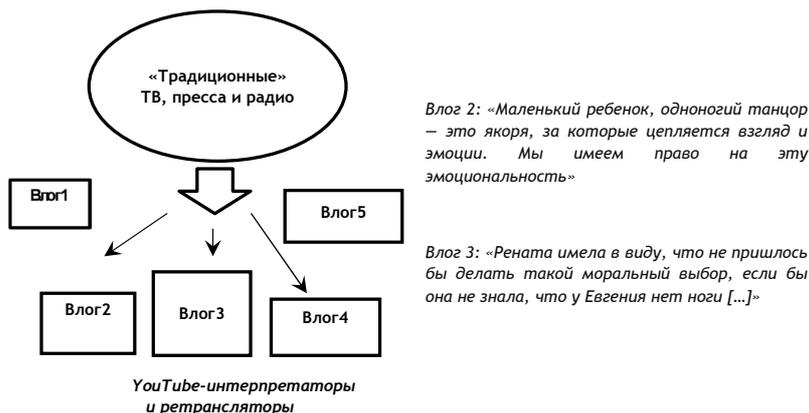


Рисунок 1. Механизм перемещений темы в публичной дискуссии⁹

Выводы из этого кейса согласуются с объяснением механизма возникновения и функционирования «интернет-скандала», которое предложил Ф. Тепфль. Публичное обсуждение в такой ситуации становится возможным лишь в среде социальных сетей и блогов. Руководство возлагает ответственность за «оговорки» судей с телешоу на сотрудников телеканала, с последующим увольнением одного из них. При этом сами высказывания и их последствия остаются вне фокуса внимания, а образовавшийся стихийно скандал используется как готовый стратегический инструмент для регулирования политического конфликта в споре между Россией и Украиной о правилах участия российской исполнительницы в конкурсе «Евровидение — 2017».

Тем не менее результатом этого случая, как и других рассмотренных публичных скандалов вокруг инвалидности, становится публичное вскрытие архаичных шаблонов инвалидности, движение определений и понимания инвалидности к повседневным контекстам, преодоление барьеров говорения. Типологизация и сравнение кейсов публичных скандалов как исследовательский инструмент помогают понять контексты, функции и эффекты конфликтных измерений публичного разговора про инвалидность. Четыре из шести описанных в этом исследовании резонансных случаев (за исключением скандала с песней группы «Тату», а также риторики ведущих радио «Маяк») стали публично обсуждаемыми через «организованность технологий» [Bennet, 2012: 755]. Социальные сети, видеоблоги, интернет-медиа стали теми публичными площадками, на которых пользователи получили возможность индивидуального или коллективного высказывания в ответ на заданные обществом этические дилеммы.

Выводы

Сравнение кейсов публичных скандалов показывает, что за последние десять лет дискуссия о нормах и правилах публичного разговора про инвалидность стано-

⁹ Схема показывает, как сообщение из традиционных медиа распадается на множество оценочных сообщений-влогов. Выбранные цитаты — примеры содержания некоторых из них.

вится интенсивнее, умножается в форматах и возникает в самых привычных для широкой публики современных пространствах публичной сферы — социальных медиа. Там, где фактически каждый соприкасается с необходимостью проблематизировать собственные представления о том, что такое инвалидность. Дискуссия вокруг статьи А. Никонова является единственным примером публичного спора в рамках делиберативной институции. Сегодня функции таких институций и площадок в споре об этических нормах и правилах говорения про инвалидность стали выполнять социальные сети и интернет-медиа. На пике дискуссии инвалидность становится неким процессом обсуждения, когда нормы и рамки подвижны, нет жестких правил и табу. Есть общие моральные договоренности и множество контекстов, в которых эти договоренности должны обсуждаться. В случаях политических и коррупционных скандалов, резонансах вокруг дискурсов национальности можно наблюдать уже выработанный репертуар правил говорения и отношения к ситуации — моральные табу, правовые санкции, проговоренные публично и закрепленные практикой правила освещения подобных событий журналистским сообществом. В ситуациях скандалов вокруг инвалидности понять и описать такой репертуар пока достаточно сложно. Как в силу противоречивых традиций публичного разговора про инвалидность в советском прошлом, отчасти продолжающихся в современности, так и в силу сложности структуры и многообразия проявлений самого феномена. Каждая «скандальная» ситуация привязывается к определенным контекстам, социальным группам, индивидам. Образуется пространство проговаривания «непривычного» или неведомого обществу ранее явления (например, особенностей болезни муковисцидоз). Вследствие этого сам формат говорения и выбираемые выражения могут, с одной стороны, вести к конфликту и травмировать уязвимые сообщества, с другой — внезапно вбрасывать тему в публичное пространство, закрывая информационные и этические пробелы, высвобождая пространства для мобилизации и голоса самих сообществ в публичной сфере. Следующим перспективным шагом исследования в русле предложенного подхода может стать плотный дискурсивный анализ содержания и контекстов коммуникации внутри и между публичными скандалами. Такой одновременный взгляд «сверху» и «изнутри» поможет описать и объяснить сложное переплетение и содержание онлайн- и офлайн-взаимодействий в ситуации столкновения дистанцированных друг от друга пространств и дискурсов не только в исследованиях инвалидности, но и в более широком контексте исследований коммуникации в современных публичных скандалах.

Список литературы (References)

Вербилович О. Е. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади/ сб. статей под ред. Е. Р. Ярославской-Смирновой. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2013. С. 35—52.

Verbilovich O. E. (2013) The Theory of communicative action: key categories and cognitive potential. In: Public sphere: theory, methodology, case study. Ed. by Elena R. Iarskaia-Smirnova, Pavel V. Romanov. Moscow: Variant, Center for Social Policy and Gender Studies. P. 35—52. (in Russ.)

Дмитриев А. В., Сычев А. А. Скандал. Социофилософские очерки. М. : ЦСП и М. 2014.

Dmitriev A. V., Sychev A. A. (2014) Scandal. Sociophilosophical essays: M.: CSP&M. 2014. (in Russ.)

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М. : Весь Мир. 2016.

Habermas J. (2016) The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Moscow: Ves Mir Publishers. (in Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме/ под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : Вариант : ЦСПГИ. 2009. С. 289—331.

Iarskaia-Smirnova E. R., Romanov P. V. (2009) Heroes and Spongers: The Iconography of Disability in Soviet Visual Discourse. In: E. Iarskaia-Smirnova, P. Romanov (eds.). Visual Anthropology: Regimes of Recognition under Socialism. Moscow: Variant; CSPGS. P. 289—331. (in Russ.)

Adut A. (2005) A Theory of Scandal: Victorians, Homosexuality, and the Fall of Oscar Wilde. *American Journal of Sociology*. Vol. 111. No. 1. P. 213—248. <https://doi.org/10.1086/428816>.

Adut A. (2012) A Theory of the Public Sphere. *Sociological Theory*. Vol. 30. No. 4. P. 238—262. <https://doi.org/10.1177/0735275112467012>.

Ahmed S. (2004). *Cultural Politics of Emotion*. New York: Routledge.

Barnes C., Mercer G., Shakespeare T. (1999) *Exploring Disability: A Sociological Introduction*, 1st edn. Cambridge: Polity.

Barnes, C., Oliver, M. (1993). Disability: A sociological phenomenon ignored by sociologists. Leeds University Disability Study Archive Paper. Retrieved from <http://www.leeds.ac.uk/disability-studies/archiveuk/Barnes/soc%20phenomenon.pdf>.

Bennett L. W., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 739—768. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>.

Burgess J., Green J. (2009) *YouTube: Online Video and Participatory Culture*. Cambridge, UK: Polity Press.

Ekström M., Johansson B. (2008) Talk scandals. *Media, Culture & Society*. Vol. 30. No. 1. P. 61—79. <https://doi.org/10.1177/0163443707084350>.

Ellcessor E. (2016) *Restricted Access: Media, Disability, and the Politics of Participation*. New York: New York University Press.

Ellis K., Kent M. (2011) *Disability and New Media*. Routledge Studies in New Media and Cyberculture. New York: Routledge.

Froehlich C. (2012) Civil society and the state intertwined: the case of disability NGOs in Russia. *East European Politics*. Vol. 28. No. 4. P. 371—389. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.718269>.

Grue J. (2011) Disability and discourse analysis: Some topics and issues. *Discourse and Society*. Vol. 22. No 5. P. 532—546. <https://doi.org/10.1177/0957926511405572>.

Habermas, J. (1984). *The theory of communicative action*. Boston: Beacon Press. (V.2).

Hartblay C. (2014) Welcome to Sergeichburg: disability, crip performance, and the comedy of recognition in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 12. No. 1. P. 111—125.

Markovits A. S., Silverstein M. (eds.) (1988) *The Politics of Scandal: Power and Processes in Liberal Democracies*. New York: Holmes & Meier.

Oats S. (2011) From Parent to Protestor on the Post-Soviet Internet: Locating and Evaluating Political Web Spaces for Families of Children with Genetic Disabilities in Russia // Paper presented at the European Consortium for Political Research, Reykjavik, Iceland, August 2011.

Oates S. (2013) *Revolution Stalled: The Political Limits of the Internet in the Post-Soviet Sphere*, Oxford; New York: Oxford University Press.

Oliver M. (1997) The Disability Movement is a New Social Movement. *Community Development Journal*. No. 32. P. 244—251. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2006.00669.x>.

Thompson J. B. (2000) *Political Scandal: Power and Visibility in the Media Age*. Cambridge: Polity Press.

Titchkosky T. (2000) Disability Studies: The Old and the New. *The Canadian Journal of Sociology*. Vol. 25. No. 2. P. 197—224.

Toepfl, F. (2011). Managing public outrage: Power, scandal, and new media in contemporary Russia. *New Media & Society*. Vol. 13. No. 8. P. 1301—1319. <https://doi.org/10.1177/1461444811405021>.

Trevisian F. (2017) Crowd-sourced advocacy: Promoting disability rights through online storytelling. *Public Relations Inquiry*. Vol. 6. No. 2. P. 191—208. <https://doi.org/10.1177/2046147X17697785>.

Tumber H., Waisbord S. R. (2004a) Introduction: Political Scandals and Media across Democracies, Volume I. *American Behavioral Scientist*. Vol. 47. No. 8. P. 1031—1039. <http://dx.doi.org/10.1177/0002764203262275>.

Tumber H., Waisbord S. R. (2004b) Introduction: Political Scandals and Media across Democracies, Volume II. *American Behavioral Scientist*. Vol. 47. No. 9. P. 1143—1152. <https://doi.org/10.1177/0002764203262340>.